

Нина Боден

Дочь колдуньи

Боден Н.

Дочь колдуньи / Н. Боден —

Героиня повести – девочка с таинственным именем Утрата, которую все считали дочерью колдуньи. Еще в младенчестве она осталась сиротой, и ее взяла к себе на воспитание одинокая женщина. Живя высоко в горах, Утрата не общалась со своими сверстниками. Ее первыми друзьями становятся слепая девочка и ее брат, приехавшие сюда на каникулы вместе со своей семьей. В один прекрасный день, сами того не ожидая, ребята оказываются втянутыми в водоворот удивительных и опасных событий.

Содержание

Дочь колдуньи	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Нина Боден

Дочь колдуньи

Глава 1 ЗАКОЛДОВАННАЯ

Дочь колдуньи сидела на скале, возвышавшейся над заливом. Это был здоровенный утес, черные базальтовые края которого круто устремлялись вверх, словно стены замка, увенчанные короной из фиолетового вереска. С одной стороны бушевало море, вздымая вверх белую кружевную пену. А со стороны берега до самых дюн и коричневых склонов Бен Луина тянулась полоска мокрого от прилива песка. Залив был пуст, если не считать нескольких волв у кромки воды да чаек, которые кричали и метались над берегом и холмами шотландского острова Скуа. Дочь колдуньи зажмурила глаза и представила, что парит в небе вместе с чайками, то резко меняя курс, то падая камнем вниз, и ветер охлаждал лицо. Но летала она только в мечтах, а на самом деле продолжала сидеть на скале. Ее звали Утрата, в напоминание о том, что она потеряла всех своих близких.

Но вот глаза девочки открылись. Она посмотрела на море и заметила красный пароходик, направлявшийся к заливу со стороны большой земли. Утрата поднялась и пошла прочь от берега. После вересковых зарослей спуск становился опасным, но девочка была ловкой и проворной, как горная козочка. Она шла босиком, а сапоги, связанные веревкой, болтались у нее на шее. На ней было взрослое платье, и хотя подол укоротили, оно все равно было ей длинно. Голова была повязана зеленым шарфом. Волы смотрели своими мягкими темными глазами, как она бежала по песку. Утрата скрылась в зарослях осоки, покрывавших дюны, но вскоре появилась снова и стала взбираться по дерновой тропинке к каменной стене. Она перелезла через стену и обулась. Под ногами зачавкало торфяное болото, оно так и норовило засосать сапоги, но девочка уверенно шла вперед, направляясь в обход Бен Луина, напрямик к одному из его низких склонов. Добравшись до верхушки склона, Утрата остановилась перевести дыхание и посмотрела вниз на городок Скуафорт – несколько белых домишек, слепленных вдоль

залива, да каменная пристань. Крошечные лодки покачивались на якорях недалеко от берега. Пароход их медленно огибал мыс, направляясь в гавань.

Утрата помчалась вниз по каменистому склону, разгоняя овец, и едва не перепугала на смерть зайчонка, который от страха так и застыл на месте в надежде, что беда пройдет стороной. У разрушенного дома девочка выбралась на мощенную камнем дорогу и вброд перешла ручей, потому что мост, который остался с тех времен, когда в доме жили люди, тоже обветшал и разрушился. Оказавшись на дороге, Утрата замедлила шаг: камни лежали как придется, и, пойдя она быстрее, в любой момент могли вывернуться из-под ног. Путь до городка был длиннее, чем казался сверху. К тому времени, как девочка добралась до пристани, пароход успел причалить, и разгрузка уже началась.

Из белых домиков повыскакивали местные ребятишки и тоже мчались к пристани. Дочь колдуньи сторонилась детей, она спряталась за крылом школьного здания и подождала, пока ребятня пробежит мимо. Девочка прижалась к стене и опустила глаза, словно не хотела их видеть, или опасалась, что ее заметят. Утрата сошла с дороги и пошла напрямик по мокрым скользким от рыжих водорослей прибрежным камням. Она добралась до лодки, лежавшей на берегу, и спряталась за ней.

Кроме полдюжины ребятишек, на пристани собрались и взрослые: почтальон Джон Макаллистер, встречавший почтовый фургон, Вилл Кэмпбелл с ящиком омаров для Обана, лавочник мистер Дункан, пришедший за новой партией товаров. Их-то как раз сейчас и сносили по трапу: ящики со всякой бакалеей, контейнеры с газом. Утрата ждала. Ей не было дела до товаров мистера Дункана. Ее интересовали люди. Приезжие. Сойдет ли кто в этот раз на берег? Она знала: надежды мало – люди охотнее уезжали с острова, чем приезжали сюда. Но девочка все равно не покидала свой наблюдательный пост за лодкой и не сводила глаз с парохода. Вдруг она радостно встрепенулась. На палубе появилось четверо людей: мужчина, женщина и двое детей – светловолосый мальчик и девочка помладше. Мальчик живо сбежал на берег, а девочка, подойдя вместе с ним к краю трапа, остановилась в ожидании. Утрата увидела, как женщина пришла ей на выручку и положила руку девочки на поручень. Мать что-то сказала, и девочка осторожно подняла ногу, чтобы поставить ее на трап. Только сделала она это как-то странно, слишком высоко подняв ногу. С помощью женщины девочка стала спускаться по трапу, ступая осторожно и неуверенно. Наконец она оказалась на берегу. Женщина оставила дочку и вернулась назад на корабль помочь мужу перенести чемоданы.

У девочки были длинные каштановые волосы, развевавшиеся на ветру. Она старалась удержать их рукой, а сама оглядывала пристань. Утрате показалось, что приезжая смотрит прямо на нее.

Дочь колдуньи огляделась. Никто больше ее не заметил. Она осторожно вышла из-за лодки и, карабкаясь по камням, направилась к пристани. Спустившись, она встала так, что никто кроме новенькой не мог ее видеть. Девочка показала Утрате ровесницей. Самой ей было десять лет и семь месяцев. Утрата посмотрела на девочку и робко улыбнулась. Но незнакомка не улыбнулась в ответ, а лишь наклонила голову набок, словно прислушивалась к чему-то. В поведении девочки не было вражды или раздражения, с какими относились к дочери колдуньи местные ребята. Утрата удивилась и перестала улыбаться. Девочка сделала один осторожный шаг к краю пристани, потом еще один...

– Джени, Джени... – голос женщины был резким, даже испуганным. Она подошла к дочери. – Ты стоишь почти у самого края, дорогая, – сказала она, беря девочку за руку.

Джени замерла и, раздраженно передернув плечами, сказала:

– Не кричи, мамочка. Я ничего не вижу, когда ты кричишь.

Слова девочки показались Утрате странными. Ухватившись руками за цепь, она переместилась на пристань. Теперь ее голова и плечи были видны всем, но поведение девочки так

заинтересовало Утрату, что она перестала бояться, что ее заметят. И правда, какое-то время все шло нормально. Прибытие парохода поглощало все внимание местного населения.

Не выпуская цепи из рук. Утрата смотрела, как приехавших приветствовал мистер Тарбутт, хозяин единственной на острове крошечной гостиницы. Он специально надел свой лучший костюм, круглое лицо его сияло и было красным, словно яблоко. Постояльцев в гостинице даже в короткую летнюю пору было немного, так что для мистера Тарбутта это был удачный день: кроме семьи из четырех человек, прибыл еще один гость – коротышка-толстяк с холщовым саквояжем, из которого торчали сбоку какие-то палки. Утрата никогда не видела клюшек для гольфа и не знала, что это такое. Мистер Тарбутт прибыл на пристань с багажной тележкой и теперь укладывал на нее чемоданы. Светловолосый мальчик помогал ему. Он был очень взволнован и болтал без умолку и так быстро, что Утрата не могла разобрать ни слова. Его сестра молча стояла в сторонке, пока мать разговаривала с мистером Тарбуттом. Отец спустился по трапу с последним чемоданом и пристроил его на тележку, а потом подошел к дочери и положил ей руку на плечо:

– Вот мы и добрались, наконец. Надеюсь, тебе здесь понравится.

Джени откинула прядь длинных волос и ответила:

– Пахнет здесь здорово.

И тут Утрата поняла, отчего девочка не ответила на ее улыбку. А догадавшись, тихонько, словно сонная птица, вскрикнула. Джени обернулась.

Утрата повторила свой крик, но так тихо, что расслышать его мог только тот, кто внимательно слушал. На этот раз Джени улыбнулась в ответ – торопливая приветливая улыбка озарила ее лицо, но отец тут же повел дочку прочь с пристани. Вслед за нагруженной доверху тележкой они стали подниматься по мощеной улочке Скуафорта к гостинице.

Утрата смотрела им вслед, забыв о том, что суэта по поводу прибытия парохода уже закончилась, а значит, местные мальчишки в любой момент могут ее заметить.

Так и вышло. Алистер Кэмпбелл, помогавший отцу таскать омаров, толкнул в бок своего приятеля. И в мгновение ока все ребята, собравшиеся на пристани, замолкли. Утрата почувствовала на себе пристальные взгляды шести пар глаз. Ее враги стояли полукругом совсем близко от нее.

В одну секунду девочка перемахнула через цепь, ободрав в спешке руку, и припустила по камням, торопясь выбраться на дорогу. Ребята сбежали с пристани и помчались по краю бухты ей наперерез. Они легко могли поймать ее: по камням далеко не убежишь, но, казалось, нарочно держались на расстоянии. Когда Утрата наконец выбралась на дорогу и заторопилась в гору прочь от города, ребята с улюлюканьем преследовали ее, замирая всякий раз, как она оборачивалась на них, но двигаясь следом, едва она поворачивалась к ним спиной. Утрата вскинула голову, упрямо подставляя лицо ветру. Она решила не обращать внимания на преследователей. Она бы так и поступила, если бы Алистер Кэмпбелл не швырнул в нее камнем. Это был маленький камешек, обычная галька, и бросил он не со всего размаху, так что вреда не причинил, камешек упал на дорогу у самых ног девочки, но это ее разозлило. Утрата резко обернулась, лицо ее пылало гневом, глаза сверкали. Мальчишки замерли на месте. С минуту никто не двигался, все хранили молчание – словно зачарованные. Но вот один, самый маленький, не удержался и хихикнул, его сестра поспешно зажала ему рот рукой. Алистер Кэмпбелл, самый старший из всей компании, собрался с духом и пустился наутек. Другие кинулись следом за ним, да так, что камни закричали у них под ногами. Малыш, который так не вовремя рассмеялся, оступился и упал, сестра подхватила его и, не дав расплакаться, потащила за собой, с опаской оглядываясь назад.

Утрата смотрела им вслед, пока ребята не скрылись за зданием школы. Глаза девочки по-прежнему метали молнии. Она не боялась своих преследователей. Они боялись ее. Но это

было еще хуже: Утрата была обречена на одиночество и изгнание. Девочка вздохнула, потеряла глаза тыльной стороной ладони, потом повернулась и пошла прочь по дороге, ведущей к дому.

Утрата жила в большом белом доме на берегу озера. Дом назывался Луинпул. Он был окружен каменной стеной, вдоль которой росло несколько деревьев с плоскими от постоянных ветров макушками. Поблизости, насколько можно было окинуть взором, не было других домов и деревьев – лишь озеро да безлесые холмы. Когда-то вокруг дома был сад, но от него остались только отмечавшие дорожку зеленые стеклянные шары, которые привязывают к ловушкам для омаров, да старый, одичавший куст фуксии у крыльца.

Парадная дверь не открывалась. Долгие годы ею не пользовались, она разбухла от сырости и не двигалась. Через заднюю дверь Утрата прошла прямо в большую темную кухню. Последние лучи заката пробивались сквозь крошечное окошко и казались совсем бледными по сравнению с огнем в очаге. Анни Макларен, наклонившись, ворошила золу.

– Поздновато, – проворчала она и встала, ухватившись рукой за полированный латунный поручень над очагом. Ей было много лет и она страдала ревматизмом. Сквозь редкие седые волосы просвечивал розовый череп.

Утрата ничего не ответила. Она присела на скамейку у огня, стащила сапоги и поставила их сохнуть.

– Каша на плите, – сказала Анни Макларен и подошла к столу, чтобы подкрутить фитилек в керосиновой лампе.

– Не зажигай, – попросила Утрата. – От огня и так светло.

Анни Макларен заколебалась. Потом повернулась к очагу и стала накладывать в миску кашу из черного горшка. Она достала ложку из стола.

– Вот, поешьте, леди.

Старуха уселась в плетеное кресло напротив Утраты и, сложив на коленях морщинистые узловатые руки, смотрела, как та ест. Чайник, подвешенный на крюке над огнем, заворчал, вода, выплескиваясь из носика, с шипением падала на угли. Часы, неразличимые в темноте, тихонько тикали в углу комнаты. В трубе гудел ветер.

Утрата зарыла озябшие ноги поглубже в ковер и доела кашу.

– Сегодня приплыли новые люди, – сообщила она. – Двое мужчин, женщина и мальчик. А еще слепая девочка.

– Надеюсь, ты не ходила на пристань?

Утрата покачала головой.

Голос Анни Макларен стал озабоченным.

– Ты ведь помнишь, что он сказал. Я ему обещала.

– Я там не была.

Утрата не отрываясь смотрела на огонь, на пляшущий зеленоватый язычок пламени.

– Значит, болтала с кем-то. Иначе откуда тебе знать про все это?

– О приезжих-то? – Утрата зажмурилась и таинственно улыбнулась. – Я ведь могу видеть сквозь стены и разглядеть то, что за углом, – пропела девочка. – Я могу летать над горами и морем. Я знаю, кто приходит и кто уходит, а они меня никогда не видят.

Анни Макларен смущенно рассмеялась.

– А если он не поверит твоим рассказам, леди?

Утрата хитро взглянула на Анни сквозь опущенные ресницы.

– Но ты-то веришь...

Анни Макларен заворочалась в кресле, так что заскрипели старые пружины.

– Что ж, у тебя есть Силы, – сказала она чуть ворчливо, но с почтением. – Хотя, на мой взгляд, видеть сквозь стены – это одно, а летать – совсем другое.

Уголек проскочил через решетку и чернел теперь на полу у очага. Анни наклонилась, чтобы подбросить его обратно, а потом с кряхтением вновь опустилась в кресло.

– Я знаю то, что я знаю, этого я отрицать не стану. Но он считает это все... ну... выдумками. Так что лучше помалкивай, леди. И не рассказывай ему о новых людях, приплывших на пароходе. А то он еще подумает, что ты была в городе и болтала там со всеми. Он не хочет пересудов. И я обещала ему, что мы будем держать язык за зубами.

Девочка сидела ссутулившись.

– Не пойму, почему я не могу ходить где хочу. Не боюсь я мистера Смита.

– Тебя и не просят бояться. Только веди себя тихо и почтительно да делай, что он скажет.

Не водись ни с кем и не болтай лишнего. И все будет в порядке.

Анни Макларен помолчала, а потом пробормотала себе под нос:

– Мне не нужны неприятности. В мои годы мне необходимы покой и тишина.

Старуха откинулась на спинку стула и закрыла глаза. И, как это часто случается со старыми людьми, сразу уснула. Рот ее приоткрылся.

Подперев рукой подбородок, девочка смотрела на огонь. Тикали часы, шипел чайник, потрескивали угольки. Вдруг Утрата напряглась и прислушалась. Девочка вскочила со скамейки и потянула Анни Макларен за подол, чтобы разбудить ее.

– Мистер Смит идет, – сказала она громко. – Зажигай лампу, я побегу открою ворота.

Утрата выскочила во двор, распугав уснувших кур, которые устроились на ночлег на куче торфа у заднего крыльца. Ветер подхватил ее юбку и надул словно парус. Девочка пробралась по тропинке к воротам и открыла их, впустив белый «ягуар», который с ворчанием покатил по тропинке и затормозил у заднего крыльца. Утрата закрыла ворота и побежала назад к дому.

Мистер Смит вылез из машины. Это был мужчина среднего роста, не толстый и не худой, не молодой, но и не старый. На глазах были темные очки, а под мышкой он нес какой-то деревянный ящик.

– Ну как дела, моя любимая колдунья? – спросил он приветливо, но без улыбки. Мистер Смит потрепал Утрату по щеке, и они вместе вошли в кухню.

Анни Макларен зажгла две керосиновые лампы. Одну она протянула мистеру Смиту.

– Огонь разведен. Сейчас я приготовлю вам чай.

Мистер Смит поставил деревянный ящик на стол и взял лампу.

– Можно тебя на пару слов, Анни? – сказал он и вышел из кухни в темный холл. Анни Макларен поплелась за ним. Они отсутствовали минут пять. Вернувшись, старуха казалась взволнованной.

– У него сегодня будут гости. Просит сварить ему омара. Иди-ка ты лучше спать. Не крутись под ногами.

– Давай я лучше тебе помогу.

Старуха покачала головой.

– Его дружку это не понравится. Может, он и знает, что ты здесь, но видеть никого не желает.

Утрата открыла было рот, но так ничего и не сказала. Уж если Анни Макларен что решит, а такое бывало нечасто, то спорить с ней бесполезно.

– Я принесу угля, – сказала девочка.

Ночь была ветреная, но ясная. Луна плыла среди рваных облаков, и куча угля мерцала в лунном свете. Утрата наполнила ведро и потащила его назад в дом.

– Больно полное. Гляди, надорвешься! – проворчала Анни Макларен.

Утрата поставила ведро и потерла руки.

– Я-то посильней тебя буду. Можно мне взглянуть на омаров?

В коробке лежали две штуки – мокрые и черные. Они слегка шевелились и тихонько шуршали.

– Вилл Кэмпбелл отправлял сегодня омаров в Обан. Зачем он их ловит, если сам не ест?

– Может, это спорт такой. Или друзьям посылает.

– У мистера Смита нет друзей. Никто не приходит...

– Как раз сегодня и придет. И этот кто-то страсть как любит омаров, так мистер Смит сказал. Бери-ка свечку, – сказала Анни Макларен.

Утрата взяла с каминной полки свечу, которая стояла между апельсином и белой фарфоровой собачкой. На плите закипал бак с горячей водой.

– Можно, пока он будет принимать ванну, я накрою стол в его комнате? – с надеждой спросила Утрата.

– Нет. Отправляйся спать.

Огонек свечи заплясал на сквозняке, когда Утрата вышла из кухни и вошла в высокий темный холл. Потолок скрывался где-то в темноте, она поднималась по лестнице, и ее тень двигалась рядом с ней. Дом был большой: когда-то это была усадьба, где жил пастор, но это было давно. Когда мистер Смит приехал на Скуа, дом уже много лет пустовал: при нем не было земли, да если бы и была, никто бы не позарился на такую старую развалину, с потрескавшейся штукатуркой и худой крышей. Никто, кроме мистера Смита. Он установил ванну и сам отремонтировал две комнаты; но больше, хотя он и живет на острове уже три года, ничего делать не стал. На чердаке были комнаты, которые заливало в дождь, а часть дома вообще была закрыта, никто там не жил, кроме мышей. Только пыль и ветер проникали туда через щели в полу и расхлябанные оконные рамы, отчего пустой дом казался живым и словно дышал.

Многим людям Луинпул показался бы странным заброшенным местом, совсем не подходящим для маленькой девочки. Мистер Смит тоже так думал.

– Здесь не место ребенку, – сказал он, когда, поселившись на острове, нанимал Анни Макларен домработницей. – Оставьте ее с кем-нибудь. С родственниками. Должны же у нее быть родственники.

– У нее есть только я, – ответила Анни Макларен. – Я позабочусь, чтобы она не вертелась у вас под ногами.

Мистер Смит нахмурился.

– Я волнуюсь из-за моей работы. Мне нужны покой и тишина. Нет, о ребенке не может быть и речи.

– Я прослежу, чтобы она вела себя тихо, – не уступала Анни Макларен. По ее старому, словно высеченному из камня, лицу невозможно было догадаться о том, как отчаянно боялась она отказа. Всего несколько месяцев назад они с братом работали на своей ферме. Потом брат умер, и ферму пришлось продать почти за бесценок. Вырученные деньги очень скоро закончились, так что работа у мистера Смита давала Анни надежду хоть как-то свести концы с концами и не дать душе распротиться с телом.

– Мне необходимо абсолютное уединение. Абсолютное. Никто не должен знать, что происходит в доме и кто сюда приходит, – мистер Смит внимательно посмотрел на старуху. – Вам кажется это странным?

– У каждого своя жизнь.

– Но это будет непросто, если в доме поселится ребенок.

– Она еще совсем маленькая.

– Но ведь она вырастет. Станет болтать с другими детьми, рассказывать всякие сказки...

– Она не станет, – Анни Макларен боялась, что ее настойчивость может разозлить мистера Смита. Если она потеряет это место, что ей тогда делать, куда идти? И все же она продолжала упорствовать.

– Да ребята и не станут с ней водиться, – она замялась, не зная, способен ли этот горожанин, проживший всю жизнь в Англии, понять ее правильно. – Они говорят, что она заколдована, – наконец произнесла она. – Называют ее дочерью колдуньи.

– Заколдована? – За темными стеклами очков невозможно было разглядеть глаза мистера Смита, но губы его искривились в улыбке.

– Заколдована? – повторил он и вдруг рассмеялся. – Что ты этим хочешь сказать?

Его смех глубоко оскорбил Анни Макларен, и она решила ничего больше не рассказывать: ни тогда, когда он, отсмеявшись, вполне миролюбиво признал, что это пустяки и, пожалуйста, пусть ребенок остается, раз она этого хочет, ни после, когда они втроем обосновались в Луинпуле и он даже стал время от времени играть с девочкой, если у него было хорошее настроение, и называл ее своей маленькой колдуньей...

И вот теперь, три года спустя, он все еще считал это забавной шуткой.

Глава 2

БЕСЦЕННАЯ СТЕКЛЯШКА

Лунный свет упал на лицо Утраты и разбудил ее. Девочка встала с постели, чтобы посмотреть в окно. Низкие тучи длинной грядой висели над Бен Луином, а луна плыла по ясному небу. Стояла тихая ночь. Ветряк медленно-медленно вращался с легким поскрипыванием. Поверхность озера застыла, отливая серебром.

Утрата еще не совсем проснулась. Девочка хотела было распахнуть окно, но верхняя рама была плотно забита деревянными колышками: Анни Макларен считала, что ночной воздух опасен для здоровья. Поэтому в крошечной спальне Утраты, вмещавшей только ее кровать и стул, было так жарко и душно, что девочка поняла: она больше ни минуты не вынесет в этом помещении. Снаружи, казалось, было тихо и прохладно. Утрата сняла платье с крючка на двери и натянула его прямо поверх ночной рубашки, которая, так же как и платье, была перешита из сорочки Анни Макларен.

Утрата вышла из своей комнаты. Напротив, на противоположной стороне лестничной площадки, была открыта дверь в комнату Анни Макларен. Девочка догадалась, что та крепко спит, потому что из комнаты доносилось сонное бормотание и скрип матрасных пружин, сама-то она спала тихо, не ворочаясь. Утрата босиком прокралась мимо двери и стала спускаться по лестнице. Внизу она огляделась и заметила свет, выбивавшийся из-под двери мистера Смита. Она услышала его смех и подошла ближе.

– Ключки для гольфа! – произнес мистер Смит. – Ключки для гольфа! Для отпуска на Скуа! Интересно, как ты себе представлял этот остров? Как лагерь отдыха?

Незнакомый голос обиженно ответил:

– Откуда мне было знать? Ты же сам сказал: шотландский остров. А я думал, что в Шотландии повсюду играют в гольф. Вот и купил эти ключки. Для конспирации. Они мне в копеечку влетели, если хочешь знать.

– Конспирации? Да ты с таким же успехом мог бы парик натянуть. Или фальшивый нос приклеить. На них бы, пожалуй, поменьше внимания обратили. Ключки для гольфа! – хмыкнул мистер Смит. – Вот увидишь: к утру весь остров над тобой потешаться станет.

Утрата догадалась, что мистер Смит в хорошем расположении духа и подтрунивает над своим гостем. Внезапно девочка почувствовала, что проголодалась. Ведь перед сном она съела только миску каши. Кашей легко набить живот, да только не успеешь оглянуться, как в нем снова пусто. Анни Макларен спит как сурок и никогда не узнает, что Утрата послушалась ее.

Девочка приоткрыла дверь. Керосиновая лампа светила совсем слабо: в основном комната освещалась огнем в печи. По обе стороны от очага сидели двое мужчин: мистер Смит и тот самый толстый коротышка, которого Утрата видела утром на пристани. Между ними стоял маленький столик, на котором находились бутылка виски и два стакана. На столе побольше, который был как раз между Утратой и очагом, девочка разглядела остатки хорошей еды: хлеб, сыр, масло – у нее засосало под ложечкой. Затаив дыхание Утрата прокралась в комнату.

– Надеюсь, тебе хоть не пришло в голову спросить, где здесь гольф-клуб? – вежливо поинтересовался мистер Смит.

– Ну, сказать по правде, я навел справки. Мистер Тарбутт просто ответил, что клуба здесь нет.

Мистер Смит взял стакан и залпом выпил до дна.

– И он не рассмеялся тебе в лицо? Впрочем, вряд ли. Слишком воспитанный. Но могут начаться всякие пересуды, вот что плохо. Хотя, может, и обойдется. Просто решат, что ты с приветом. До тех пор пока они не докумекают... – Мистер Смит вздохнул и наклонился вперед. – Никто не видел, как ты шел сюда?

Незнакомец покачал головой.

– Я сделал все, как ты велел. Сказал, что устал и пойду спать. А потом вылез из окна и пошел пешком. Ты сказал, досюда три мили, – он рассмеялся. – А мне показалось, миль тридцать с гаком. Охо-хо, ноженьки мои!

Скрипнуло кресло. Незнакомец достал из кармана пакетик конфет, развернул карамельку и сунул в рот.

– Островные мили, – стал объяснять мистер Смит, – отличаются от тех, к которым ты привык, впрочем, как и все другие измерения. Например, время. Завтра на самом деле не то, что ты себе представляешь. Это может означать следующую неделю или даже следующий год. Надо здесь пожить подольше, чтобы разобраться что к чему!

Мистер Смит говорил резко и зло. Может, у него и не такое уж хорошее настроение, подумала Утрата. А у нее, как назло, совсем живот подвело. Но, если он и не в духе, поди не рассердится, если она скажет, что проголодалась. Неслышно ступая босыми ногами, девочка приблизилась к столу.

– Ладно, – проговорил незнакомец, – сдастся мне, тебе не на что жаловаться. Остров – прямо картинка. Горы, овечки. Общение с природой. Романтика. Просто красота!

– Вот сам бы и общался с природой, – огрызнулся мистер Смит. Незнакомец хмыкнул.

– Может, ты и прав. Я бы наверняка тут заскучал. Но ты-то неплохо устроился. – В его голосе послышались язвительные нотки. – Мне похуже пришлось. Вкалывай с девяти до пяти. И жди...

– Думаешь, здесь ждать легче? – мистер Смит наклонился и налил себе полный стакан виски. – Три года торчать в этой дыре? Порой казалось, я с ума сойду. Нечем заняться, не с кем словом перебраться – никого рядом, кроме невежественной старухи и...

Крик гостя заставил его замолчать.

– Боже, а это что такое?

Круглолицый, он был похож на жабу: широкий плоский рот и выпученные глаза, которые от удивления почти вылезли на лысину. Гость так смотрел на Утрату, что у нее мурашки пошли по коже. Девочка прошмыгнула мимо стола и юркнула за кресло мистера Смита. Тот протянул руку, вытащил ее и поставил перед собой. Его глаз не было видно за темными очками, но рот сердито искривился.

– Что ты тут шныряешь? Я ведь велел Анни...

– Она не виновата, – пролепетала Утрата. – Она мне запретила. Просто я проснулась и почувствовала, что голодна.

– Как давно ты тут? – прорычал Жаба. Он вскочил и стоял теперь у очага – коротышка на толстых ножках, вросших в землю, словно деревья. – Шпионишь? Вот я научу тебя шпионить!

Но мистер Смит вступился за девочку:

– Не кричи на ребенка.

– Выпороть ее надо как следует, – заявил Жаба. – Задать хорошую трепку. Если она за мной следила, я ее проучу. Подслушивать вздумала!

– Да у нее и в мыслях ничего плохого не было, – заверил мистер Смит. – И лишнего она не болтает.

Казалось, его слова убедили Жабу. Он посмотрел на мистера Смита, снова опустился на стул и вдруг как-то сник, будто шарик, из которого выпустили воздух. Гость достал красный шелковый платок из нагрудного кармана, обтер лысину и улыбнулся девочке. Получилась вялая, натянутая улыбка.

– Извини, – пробормотал он. – Я погорячился. Вечно теряю контроль, если меня застают врасплох.

Но улыбка Утрату не обманула: глаза незнакомца по-прежнему были холодные и злые. Словно догадавшись, что ему не удалось обвести девочку вокруг пальца, гость улыбнулся еще шире.

– Так ты не собиравалась шпионить? Ты хорошая девочка, верно? Может, ты и секреты хранить умеешь, а?

– Говорю тебе: она умеет держать язык за зубами, – повторил мистер Смит.

Жаба посмотрел на него.

– Ты ничего не говорил о ребенке. Решил воспользоваться случаем, так?

– Ну, не совсем так, – возразил мистер Смит. – Во всяком случае, никогда нельзя упускать того, что плывет в руки. Ты-то своего не упустил, что скажешь?

Не сводя с него глаз, Жаба медленно кивнул.

– Твоя правда.

Он снова улыбнулся, на этот раз более естественно, и откинулся на спинку кресла.

– После такого сюрприза надо промочить горло, – заметил он, развернув еще одну карамельку, и отправил ее в рот. Мистер Смит налил ему виски.

– Передай-ка джентльмену стакан. Утрата, – сказал он. – И представься. Это мистер Джонс. Мистер Джонс, – повторил он еще раз и неожиданно улыбнулся, словно имя показалось ему смешным.

Утрата неуверенно исполнила то, что ей велели. Мистер Джонс одной рукой взял стакан, а другой схватил девочку за запястье и притянул ее к себе.

– Утрата, – проговорил он, посасывая карамельку, – славное имя. Редкое. Сколько тебе лет, девочка?

– Десять. Будет одиннадцать, – ответила Утрата, цепкая хватка незнакомца была ей неприятна, но она не решалась высвободить руку.

Казалось, мистер Джонс удивился.

– Ты выглядишь моложе. У меня самого две дочки. Одной девять, другой десять. Младшая и та побольше тебя будет.

– Да, она маловата для своего возраста, – согласился мистер Смит.

– Мала. Да она – кожа да кости. Настоящий заморыш!

Мистер Джонс поднял стакан и принялся пить. Его кадык заходил вверх-вниз. Он поставил пустой стакан на стол и одобритительно кивнул, заметив, что мистер Смит вновь наполнил его.

– Детей надо кормить как следует, Смити, дорогуша. Молоко. Витамины. Апельсиновый сок. Поверь мне: кормление ребенка в копейку влетает.

Он поднял стакан с виски и с нежностью прижал его к груди.

– Расходы и заботы. Заботы и расходы. Вот что такое дети. Я только на днях говорил об этом жене...

Мистер Смит перебил его:

– Так ты проголодалась? – спросил он Утрату.

Девочка кивнула, осторожно высвобождая руку из жабьей хватки. Страх прошел, и она почувствовала, как урчит у нее в желудке.

– Так поешь, – мистер Смит встал и подошел к столу. – Вот омар остался. Будешь? И стакан вина?

– Это для ребенка яд, – громко запротестовал мистер Джонс. – Молоко – вот что ей нужно, Смити. Хорошее свежее молоко. А не омар. Уж точно не омар. Неподходящая пища для детского желудка.

– А сыр? – неуверенно спросил мистер Смит.

Жаба, похоже, задремал, так что мистер Смит повторил громче:

– Ну же, подскажи, чем ее кормить? У тебя-то есть семья.

– Сыр можно, только понемногу и не на ночь. Слишком тяжелая пища, – выдавил из себя Жаба.

Мистер Смит вздохнул.

– Больше ничего нет. А чем тебя Анни кормит?

– Кашей. И картошкой. И еще всякой всячиной, что после вас остается, – сказала Утрата.

Анни Макларен не раз говорила ей, что мистер Смит и так слишком добр к ним, и они не должны объедать его.

Жаба рассмеялся.

– Видать, слуги у тебя на голодном пайке. Стыдно, Смити...

Мистер Смит был смущен.

– Я никогда не имел дела с детьми. Думал, у старухи хватит ума...

Он отрезал большой кусок сыра и намазал маслом несколько ломтей хлеба. Потом взял стакан со столика, протер его платком и налил доверху жирным молоком.

– Ну, от этого вреда не будет, – одобрил Жаба.

Утрата присела на стул у огня. Пока она ела, мужчины смотрели на нее. Воцарившаяся тишина, сытная пища и жар очага сморили девочку. Глаза ее сами собой начали слипаться, а живот стал тугим, как барабан. Она опустила голову на подлокотник кресла мистера Смита и заснула...

Наверное, пока она спала, кто-то поднял ее и перенес в кресло. Первое, что почувствовала Утрата, проснувшись, – грубую обивочную ткань, коловшую щеку. Девочка различила голоса.

– ...подумывал о Южной Америке, – говорил мистер Джонс. – Да жена ни в какую, хоть режь ее. Говорит, пусть девочки доучатся. Совсем помешалась на их учебе. Будто в Южной Америке школ нет. Пытался ее урезонить но она никак не соглашается. Те школы ей не годятся. А на самом деле просто не хочет с места сниматься, уж я-то знаю...

– Разумная женщина, – сухо заметил мистер Смит. – Я тебе то же самое говорил, помнишь? Сиди смирно, затаись. Время от времени позволь себе чуть-чуть шикануть.

– Мне этого мало, Смити... – в голосе мистера Джонса вдруг появились жалостливые нотки. – Ну-ка, рассуди по чести. Поставь себя на мое место. Разве тебе было бы этого достаточно, знай ты, что у тебя в шкапулке припрятано? Я хочу всю жизнь в роскоши купаться, а не урывками да тайком. Мне свобода нужна... Свобода... – повторил он мечтательно.

– Будем надеяться, что все сложится по-твоему, – сказал мистер Смит.

Утрата зевнула и потянулась. Вдруг раздался резкий звук, как будто звякнула металлическая крышка. Девочка приподнялась и увидела двух мужчин, они стояли и смотрели на нее. Жаба протянул руку, чтобы заслонить от нее маленькую шкапулку на столе, потом передумал, сунул руки в карманы и добродушно улыбнулся.

– Проснулась? – спросил он и кивнул мистеру Смицу. – В кровати-то лучше.

Утрата соскользнула с кресла. Она отсидела одну ногу и не могла ступить на нее. Жаба поддержал ее за руку, чтобы она не упала.

– Но прежде... Смити говорит, ты умеешь держать язык за зубами. Я ему верю. Ты ведь никому не расскажешь, да? Обо мне не расскажешь? – Мистер Джонс слегка потряс ее, хоть он и держался дружелюбно, но в голосе слышалась настороженность. – Забудь, что меня видела, договорились?

– Она знает, как себя вести. Правда, колдунья? – спросил мистер Смит.

Утрата кивнула.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Жаба. – Ты славная девчушка. А хорошие девочки иногда получают подарки. – Он помолчал. – Что бы ты хотела получить в подарок?

– Не знаю.

– Прекрати, – вмешался мистер Смит. – Не привыкла она к подаркам.

- Да ладно. Девочки везде одинаковые. Должна и она чего-то хотеть, о чем-то мечтать...
Дрема придала Утрате смелости.
– Я хочу, – вдруг сказала она, – мое единственное желание – ходить в школу.

- В школу? – удивился Жаба. – Но разве... разве она не ходит в школу?
Мистер Смит поспешил ответить за нее:
– Нет. Не ходит. И никогда не ходила. Думаю, она ни читать, ни писать не умеет. – Он помедлил. – Она живет сама по себе. Будто дикая кошка.
– Боже! – изумился Жаба. – Но ведь это невозможно... Она не может не ходить в школу. Господи, это же противозаконно!
Утрата уже почти совсем проснулась. Ее удивило, почему это мистер Смит так весело смеется.

– Ну, не совсем так, – проговорил он немного погодя. В Скуафорте есть школа, но до нее добрых три мили, а автобусов здесь нет. А раз нет автобуса, они не могут требовать, чтобы девчонка ходила в школу. Вот они и смотрят на это сквозь пальцы.

Жаба тихо присвистнул.

– По-моему, это ужасно, – проговорил он медленно и очень серьезно. – Просто не представляю, что бы жена сказала. Ребенок должен учиться.

– Я хочу ходить в школу, – повторила Утрата. – Хочу научиться читать и писать, а потом, когда вырасту, хочу учиться в большой школе на Трулле.

Жаба смотрел на нее не отрываясь. Девочка подумала, что, может, он не знает, где находится Трулл, все же этот господин приезжий.

– Трулл – это большой остров, – объяснила она. – С аэропортом, кинотеатром и большой замечательной школой.

Утрата запнулась, сердце слишком сильно колотилось у нее в груди. Никогда прежде она ни с кем не говорила об этом. Странно – если бы у нее было время подумать, она бы решила, что это странно – вот так говорить об этом Жабе, тому, кого она почти не знает и кто ей не слишком нравится.

Мистер Смит наблюдал за девчонкой. Он сказал Жабе:

– В сложившихся обстоятельствах даже хорошо, что она не ходит в школу, понимаешь?

И он потянул Утрату за волосы – не больно, в шутку.

– Дочери колдуньи там не место. Станешь водиться с другими детьми, потеряешь свои волшебные способности. Станешь обычной, как все.

– Я согласна быть, как все, только бы научиться читать и писать.

Мистер Джонс скорчил гримасу, словно показывая, как он ей сочувствует. Утрату удивило, как быстро этот человек переходил от гнева к состраданию.

– Бедная крошка, – пробормотал гость. – Это просто позор...

Глаза его блестели, казалось, он вот-вот заплачет.

– Ладно, мы что-нибудь придумаем. Как-нибудь все наладится.

Лицо его внезапно прояснилось, и он улыбнулся.

– Ну-ка, зажмурь глаза!

Утрата зажмурилась. Послышалось тихое позвякивание. Девочка услышала, как мистер Смит говорит:

– Прекрати, идиот... Услышала смех Жабы.

– А почему бы и нет? Там еще много осталось...

Потом послышался шорох, как будто сыпали на стол маленькие камешки или конфеты.

Не раскрывая глаз, Утрата старалась представить, что происходило. Часто – не всегда, но часто – если она не торопилась и как следует сосредотачивалась, то могла видеть, что делают люди, даже если глаза ее были закрыты, или она стояла за стеной, но сегодня разговор мужчин мешал ей, к тому же она слишком устала... Как Утрата ни старалась, она не могла догадаться. Вспомнив, что Жаба сосал карамельки, девочка решила, что в шкатулке были конфеты и что он хочет ее угостить.

Двое мужчин переговаривались вполголоса, так что Утрата не могла их расслышать. Наконец мистер Смит рассмеялся. Это был громкий, резкий, взволнованный смех.

– Протяни-ка руку, Утрата, – приказал он.

Девочка сделала, что ей велели. Она почувствовала в руке что-то тяжелое и холодное.

– Теперь открывай глаза.

Она открыла. У нее на ладони лежал маленький камешек – только он был прекраснее любого камня на берегу Скуа. Он был прозрачный, как стекло: когда она его повернула, камень поймал отблеск огня и на миг сам превратился в искорку.

Девочка посмотрела на мужчин.

– Нравится? – спросил Жаба. – Нравится подарок?

– Очень красивый, спасибо, – поблагодарила Утрата, стараясь скрыть разочарование: уж лучше бы карамелька. Но заметив, что Жаба ждет от нее еще чего-то, она добавила: – Очень красивое стеклышко.

Мистер Смит отвернулся. Дрожащей рукой он налил себе в стакан виски. Жаба хихикнул:

– Стекляшка-то поди ценой в полкоролевства, – заметил он, вытирая платком глаза. Лицо его покраснело от смеха.

Мистер Смит тоже смеялся, даже виски расплескал.

– А что мне с ним делать? – спросила Утрата.

– На шею носи на веревочке, – пошутил мистер Смит и снова зашелся смехом.

Но Жаба ответил серьезно:

– Береги его. Он принесет тебе счастье. – И неуверенно добавил: – Только держи его в секрете. Учти: никому его не показывай.

Утрата нетерпеливо кивнула. Анни Макларен заинтересуется кусочком стекла не больше, чем ракушками, которые девочка собирала на берегу. А кому еще ей показывать подарок?

Мистер Смит перестал смеяться. Он обратился к своему гостю:

– Сам-то не болтай лишнего. И не напивайся там в городе. А то язык вмиг развяжется.

– За кого ты меня принимаешь? – возмутился мистер Джонс.

Мистер Смит ничего ему не ответил.

– Марш в постель, – велел он Утрате. – Возьми свой подарок и отправляйся спать.

Он произнес это негрубо, но торопливо, словно исполнял какую-то роль и вдруг устал. Такое с ним часто случалось: то он играл с девочкой и сам увлекался игрой, то внезапно уставал и тогда отсылал ее прочь, выставляя из комнаты, будто она щенок или котенок. Утрата привыкла к такому обращению и не обижалась. Вот и на этот раз она подчинилась, не сказав ни слова: вышла из комнаты и поднялась к себе.

Девочка легла в постель. Засыпая, она сжимала в руке подарок и размышляла, правда ли он принесет ей счастье, как сказал Жаба. А еще она думала о том, как долго он у них пробудет и где эта самая Южная Америка, такой ли это остров, как Скуа, или это большая страна, как Шотландия. Зевая, Утрата слышала голоса внизу. Когда она почти совсем заснула, мужчины, видимо, открыли дверь в зал, и она ясно услышала, как Жаба сказал:

– Нет, в гостинице больше никого нет. Только этот Хоггарт с женой и ребятами. Он ботаник – тоже мне занятие для взрослого мужчины: цветочки собирает!

Утрата не расслышала, какотреагировал мистер Смит, но Жаба рассмеялся в ответ.

– Не беспокойся, Смити. Думаю, они меня даже не заметили.

Глава 3

ПЕЩЕРА КАРЛИН

– Должно быть, он чокнутый, – заявил Тимоти Хоггарт. – С мозгами у него явно не все в порядке.

– Кто? – спросил отец, впрочем, без особого интереса. Он был занят вытягиванием старого «форда» мистера Тарбутта из глубокой колеи на проселочной дороге.

– Да тот тип.

– Какой тип?

Тим глубоко вздохнул.

– Просто удивительно! Ты совсем не замечаешь людей. Тот дядька с клюшками для гольфа, который вечно сосет конфеты.

– Ах, этот. Его фамилия Джонс. Открой-ка ворота, Тим.

Мальчик вылез из машины. Ворота были замотаны проволокой, да так хитро, что ему пришлось повозиться с узлами. А когда он наконец размотал проволоку, и машина проехала, ему стоило большого труда намотать ее обратно.

– От них все равно никакого проку, – проворчал Тим, залезая назад в машину. – От ворот этих. Понятно, что им нужны ограждения от скота, но неужели нельзя было устроить так, чтобы ворота открывались полегче? Столько времени потеряли!

– У жителей Скуа времени не занимать. Пожалуй, это единственное, что у них всегда в достатке, так что они могут себе позволить и потранжирить его немного.

Мистер Хоггарт усмехнулся и поднял очки на лоб.

– Эти-то по крайней мере открыть можно. А вот в Ирландии в одном месте просто взяли да и перегородили дорогу стеной, хочешь проехать – ломай стену, а потом складывай заново.

Тим рот раскрыл от изумления. Но тут в лобовое стекло машины он увидел что-то такое, от чего он восхищенно вскрикнул.

– Пап, смотри – орел!

Мистер Хоггарт нажал на тормоза, так что Тимоти ударился носом о ветровое стекло.

– Дай-ка бинокль, Тим.

Мальчик достал из бардачка полевой бинокль и протянул отцу. Через минуту мистер Хоггарт разочарованно вздохнул:

– Обыкновенный канюк.¹ Не думаю, что на Скуа вообще водятся орлы. А вот он и улетел...

Они наблюдали, как большая коричневая птица медленно пролетела над их головой и скрылась за вершинами каменных скал. Мистер Хоггарт завел мотор.

– С чего ты решил, что он чокнутый?

– Кто?

– Да мистер Джонс.

– Из-за этих клюшек для гольфа. Кто потащит клюшки в такое место, как Скуа? Всем известно, что это дикое уединенное место, где всего один-единственный городок и нет настоящих дорог...

– Ну, не всем. Вот он как раз и не знал.

– В этом-то вся загвоздка, – Тим нахмурился, пытаясь разобраться в своих мыслях. – Клюшки-то новенькие. Выходит, он их специально купил для поездки. А уж если кто решит

¹ Птица подотряда соколиных. – Прим. пер.

купить клюшки, отправляясь в отпуск, так он наверняка разузнает, есть ли в том месте поля для гольфа или нет...

– Думаю, у твоей загадки есть какое-нибудь простое решение. Может, он пол-отпуска проведет на Скуа, а потом куда-нибудь еще отправится играть в гольф.

По отцовскому тону Тим догадался, что тот старается его подбодрить.

– Тогда зачем он спросил мистера Тарбутта, где находится гольф-клуб? Я слышал, как он спрашивал. Если он не чокнутый, то, может, злоумышленник какой, – это предположение понравилось Тиму. – Он тебе не кажется подозрительным, пап?

Отец смущенно улыбнулся, но ничего не ответил.

– Или тебе неинтересно?

– Ну, раз уж ты спрашиваешь, признаюсь, что не очень, – ответил мистер Хоггарт, словно извиняясь. – Прости, Тим, но в настоящий момент мне интереснее искать орхидеи.

Теперь настал черед Тима промолчать.

– А тебе это занятие кажется скучным? – вдруг забеспокоился отец.

– Все нет, – запротестовал Тим, стараясь, чтобы ответ звучал как можно убедительнее. Мистера Хоггарта было не так-то легко провести.

– Вот и хорошо, – сказал он, останавливая машину. – Думаю, мы могли бы попытаться счастья здесь, на скалах. Местность вроде подходящая.

Они вылезли из автомобиля и направились к торфяному болоту. Почва под ногами чавкала, крошечные белые флажки болотной травы покачивались, как знамена миниатюрной армии. Под взглядами овец с длинными аристократическими мордами и местных коров с угрожающе изогнутыми рогами они выбрались на сухое место. Все было тихо, лишь раздавались крики чаек и слышалось журчание воды, падавшей серебряными струями с коричневых скал и мчавшейся чистыми горными ручьями по плоскогорью к обрыву и дальше в море.

Болото кончилось. Они вышли в долину, здесь земля была потверже. На другом краю долины стоял полуразрушенный фермерский дом – четыре потемневших стены без крыши и с дырой вместо двери. Тим пошел на разведку и обнаружил останки металлической кровати, стоявшей внутри в траве.

Это был уже четвертый покинутый дом, который они увидели с тех пор, как уехали утром из гостиницы.

– Куда все люди подевались? – спросил мальчик. Отец достал из рюкзака инструменты и разложил коробочки для образцов.

– Депопуляция, – мистер Хоггарт посмотрел на сына, вздохнул, отложил работу и принялся объяснять. – Земля тут бедная, люди тоже. А их дети хотели жить хорошо, вот и отправились искать лучшей доли, меж тем их родители состарились и умерли, вот и некому стало вести хозяйство. А иногда и целые семьи снимались с места и уезжали – кто на материк, кто в Америку...

– Но ведь здесь так красиво! – возразил Тим.

– Одной красотой сыт не будешь.

Тиму казалось, что Скуа – самое прекрасное место из всех, где он побывал. Но теперь эта красота стала казаться мальчику какой-то одинокой.

Отец улыбнулся сыну.

– Но мы пришли сюда за орхидеями: не забывай об этом.

Они искали черные орхидеи. Мистер Хоггарт так описал их Тиму, чтобы не забивать мальчику голову длинным латинским названием. Он просто объяснил, что черные орхидеи встречаются очень редко, что до сих пор их обнаруживали только в Скандинавии и что на самом деле они, может, и не совсем черные, а цвета красного вина или темно-фиолетовые.

Они проискали все утро. Нашли розовато-лиловые и белые дикие орхидеи, маленькие и необыкновенно изящные, но ни одной темной. Мистер Хоггарт мог бы потратить на поиски

весь день, но время близилось к обеду, и он решил, что Тим уже устал. Они очистили инструменты, разложили образцы по коробкам, а затем расположились на краю скалы, смотрели на море и ели бутерброды.

Внизу под ними бушевало море. Шум был глухой, словно далекая артиллерийская перестрелка.

– Наверное, здесь и пещеры есть, – сказал Тим. Он достал карту, проследил петляющую линию дороги, по которой они ехали, и уверенно ткнул пальцем в выступающий мыс:

– Вот. Пещеры здесь, – закричал он, – видишь, пап, этот мыс так и называется – Пещерный!

– Ого, ну и высотыща! – Мистер Хоггарт лежал на животе и смотрел с обрыва вниз. – И никакой тропинки. Даже козам не спуститься.

Тим изучал карту.

– Здесь есть что-то вроде оврага... – он перевел взгляд на море, пытаясь сориентироваться относительно других островов, которые с такого расстояния казались совершенно нереальными, словно плывущие карточные домики.

– А на дне оврага есть пещера – пещера Карлин. Это милях в пяти отсюда.

– Пещеры интересны только в книжках, – заметил отец. – В реальной жизни они, как правило, разочаровывают. Вонючие, сырые и там полным-полно дохлых овец...

Но Тим был уже на ногах и натягивал рюкзак. Они пошли по гребню скалы, ветер дул им в лицо, над головой кричали чайки. Расчеты Тима оказались неверны. Они наткнулись на овраг уже через пятьсот ярдов: земля вдруг словно разверзлась перед ними.

Крутой, поросший травой склон тянулся между двух каменных стен и исчезал вдалеке. Было слышно журчание воды.

– Опасно, – заметил мистер Хоггарт.

– Если трусишь, оставайся здесь, – заботливо предложил Тим. Он присел и стал спускаться по траве вниз. Мистер Хоггарт осторожно последовал его примеру. Овраг изгибался, и за поворотом им открылся плоский, покрытый травой уступ перед водопадом, который вырывался из блестящей черной скалы. Вода падала в прозрачное озерцо, мчалась, кружась, дальше по камням и снова с грохотом низвергалась вниз, теряясь из виду.

– А здесь здорово, – с надеждой заметил мистер Хоггарт, но Тима уже и след простыл, он шел дальше.

– Мы можем спуститься вниз вдоль края водопада, – крикнул он, и его голос отозвался эхом в каменистых склонах.

Мистер Хоггарт застонал и пошел вслед за сыном, прокладывая себе путь по обрывистым склонам нижнего каскада. Это был опасный спуск. Скальная порода местами крошилась, как штукатурка, а поросшие травой островки, которые на первый взгляд выглядели безопасно, стоило ступить на них, оказывались скользкими, как лед. Мистер Хоггарт не был скалолазом и совершенно взмок, пока добрался до покрытого галькой узкого берега. Там он присел на камень отдохнуть.

Тим на четвереньках карабкался по камням.

– Наверняка здесь найдутся отличные экземпляры для моей коллекции! Пап, смотри...

Он направился к отцу, чтобы показать розово-зеленый кусок гранита размером со страусиное яйцо.

– Не потащишь же ты такую тяжесть вверх? – спросил мистер Хоггарт.

Тим посмотрел на грозную черную скалу, которая словно плыла на фоне неба, и ухмыльнулся.

– Может, в пещере найдется что поменьше.

Берег был клинообразный: пещера Карлин венчала вершину треугольника. В ней воняло, как и предрекал мистер Хоггарт, но в остальном она не разочаровала мальчика. Сводчатый

вход, похожий на вход в соборе, а внутри вздымались ввысь каменные стены, казалось, они были сделаны из гигантских черных колон. Пещера уходила далеко вглубь, в скалу. Тим шел до тех пор, пока хоть что-то можно было разобрать в сгущавшейся темноте. Его голос звучал громко и странно, словно орган. Вернувшись, мальчик посмотрел на часы.

– Ну еще чуть-чуть, – взмолился он. – Давай еще немного тут побудем. Я хоть камни поищу.

Он искал на берегу и у входа в пещеру, там было полно здоровенных валунов, между которыми блестели маленькие лужицы. Валуны были скользкие, и Тим то и дело скатывался то в одну лужу, то в другую. От волнения он все время разговаривал сам с собой.

– Какое замечательное место. А что если здесь прячут добычу контрабандисты? Нет, вряд ли. Разве сюда что дотащишь! Через эти скалы. Может, здесь вообще никто до нас не бывал... Ой, пап, а что если мы первыми ступили на этот берег? Первые с самого сотворения мира!

– Ну, – засомневался отец. В скалу у входа в пещеру было ввинчено железное кольцо, видно, кто-то время от времени причаливал на лодке к этому берегу. Мистер Хоггарт признавал только правду и уже собрался было показать кольцо сыну но вдруг услышал, как тот кричит:

– Посмотри-ка! Пап, посмотри, что я нашел!

В волнении Тим побросал камешки, которые успел собрать, и набросился на первый попавшийся ему на глаза. Камень были внутри пещеры, приливом его зажало между двух небольших валунов так, что Тиму пришлось как следует ударить по валунам большим камнем, чтобы высвободить находку. Отец нетерпеливо ждал, чем все закончится.

– Тим, нам пора возвращаться, – напомнил он.

– Подожди... подожди чуть-чуть.

Тим охнул, когда камень вдруг высвободился и едва не упал вниз в расщелину между валунами. Мальчик поспешил подставить руку и в результате поранил пальцы и даже застонал от боли.

Но Тим быстро забыл о царапинах. Он торопился назад к отцу, чтобы похвастаться добычей. Зато мистера Хоггарта ссадины сына волновали больше, чем какой-то камень. Тим вечно таскал камни для своей коллекции, и хоть мистер Хоггарт и старался изобразить восторг всякий раз, когда сын показывал ему новое сокровище, он был так же равнодушен к камням, как мальчик к цветам.

– Очень милый, – сказал он на этот раз, – но, Господи, да ты серьезно поранился.

– Ведь ты даже не посмотрел как следует! – с упреком проговорил Тим. – Это не обычный камешек.

Он поскреб один край, покрытый корочкой соли. Поверхность была гладкой и красной, как рубин.

– Да это рубин! – ахнул Тим. – Пап, я уверен, что это рубин.

Мистер Хоггарт посмотрел на грязный камешек размером не больше шестипенсовика и рассмеялся:

– Знаешь, Тим, рубин такого размера стоил бы целое состояние.

Тима обидел отцовский тон.

– Но это не значит, что он не может быть рубином.

– Нет, но рубины на берегу не валяются. Он и в самом деле красивый и будет еще лучше, если его оттереть как следует. Только это кусочек стекла или кварц, или что-то еще в этом роде. Я не силен в геологии. Знаешь, сынок, надо посмотреть, нет ли в гостинице справочника. Вдруг мы его там найдем, вот будет здорово, правда? Вернемся и посмотрим, ладно?

Мистер Хоггарт попытался ободрить сына и улыбнулся ему.

«Будто я ребенок какой, а не двенадцатилетний мальчик», – подумал Тим, он вдруг разочаровался в находке.

Тим взобрался на скалу и направился к машине. Он брел за отцом и всю дорогу обиженно молчал. Мистер Хоггарт редко замечал настроение других людей, хотя всегда старался быть внимательным и тактичным. Вот и на этот раз он решил, что сын просто устал.

На полпути к гостинице они повстречали незнакомца. Объезжая колдобины на дороге, они едва не врезались в его белый «ягуар», заднее колесо которого угодило в яму.

Мистер Хоггарт остановил «форд» и вышел из машины.

– Помочь? – спросил он.

Мужчина уставился на него, но не проронил ни звука, пока мистер Хоггарт не повторил свой вопрос. Тогда незнакомец пожал плечами и сказал:

– Застрjala, ни туда, ни сюда. Увяз на повороте.

Он поглядел на них с холодной злостью, словно это мистер Хоггарт был во всем виноват. Тим с отцом осмотрели машину.

Она по самый бампер увязла в грязи.

– Попробуем вас вытащить, – предложил мистер Хоггарт.

– Этим старым «фордом»? – Мужчина рассмеялся и бросил окурок.

– Попробовать можно. – Мистер Хоггарт поправил очки. Он был исполнен энтузиазма: ему нравилось представлять себя расторопным парнем, готовым прийти на выручку. – Если я включу первую скорость.

– У нас нет троса, – напомнил отцу Тим. – А у вас? – спросил он незнакомца.

– Нет, – незнакомец вдруг заговорил дружелюбнее. – Забыл по глупости, на таких дорогах без него нельзя. Хотя цепь и «лендровер» подошли бы больше. Может, вы с отцом подбросите меня?

– Конечно, – сказал мистер Хоггарт. – В Скуафорт?

– В том направлении. Высадите меня по дороге.

Мужчина вышел из своего автомобиля.

– Моя фамилия Смит. А вы тот самый ботаник, который остановился в гостинице?

Он улыбнулся, увидев недоуменное лицо мистера Хоггарта.

– На Скуа все всё обо всех знают.

Мистер Смит уселся на сиденье рядом с мистером Хоггартом и обратился к Тиму:

– А у тебя какие планы? Пойдешь по стопам отца?

– Нет, – Тим, чья обида до сих пор не прошла, посмотрел на отцовский затылок. – Я не хочу быть ботаником. Я лучше выберу более полезное занятие, возьму и стану полицейским.

Мистер Смит поднял брови.

– А ты и впрямь считаешь, что эта профессия полезнее? – сухо поинтересовался он.

Мистер Хоггарт кашлянул. Он был человек очень вежливый, и чужая бестактность всегда его смущала. Он попытался извиниться за Тима.

– Боюсь, сын немножко устал сегодня. Цветы не очень-то его интересуют...

Он оглянулся и добродушно улыбнулся Тиму. Мальчику стало стыдно.

– Ему больше по душе камни. Знаете, он собрал довольно интересную коллекцию. Ну-ка, Тим, покажи мистеру Смиту свою сегодняшнюю находку. Этот твой... рубин.

– Рубин, – мистер Смит обернулся. Из-за темных очков Тим не мог разглядеть его глаза, но почувствовал, что мужчина так и впился в него взглядом.

– Папа говорит, никакой это не рубин, – проговорил он медленно, ему совсем не хотелось выслушивать еще чье-то мнение о своем сокровище.

– Покажи-ка, я немного разбираюсь в драгоценных камнях, – сказал мистер Смит.

Он протянул руку, и Тим положил в нее свой камешек. Мужчина внимательно повертел его в руках, даже очки поправил.

– Ну, – проговорил он неуверенно. Мальчик почувствовал, что снова начинает волноваться.

– Ворота, Тим, – напомнил отец, остановив машину. Тим выскочил, распахнул ворота, потом закрыл их, когда машина въехала, и снова забрался в «форд». Мистер Смит покачал головой. Сердце мальчика почти остановилось.

– Боюсь, что нет, старина. Может, это кусочек кварца. Хотя они здесь редко встречаются. Или какой-то кристалл вроде красной меди. Но, скорее всего, если отчистить его как следует, он окажется обыкновенной красной стекляшкой.

– Спасибо, – пробормотал Тим, забрал камень и сунул его поглубже в карман.

– Извини, старина, – сказал мистер Смит.

Тим уставился в окно. Но разочарование мешало ему что-либо видеть. Он стал напевать себе под нос, чтобы показать взрослым, что ему все равно.

Дорога обогнула Бен Луин и вышла к маленькому пляжу, на котором стояла палатка. С одной стороны к ней для увеличения площади был приделан обтянутый брезентом каркас. Из крыши торчала труба. На полосе травы, отделявшей палатку от «форда», стоял «лендровер».

– Высадите меня здесь, – попросил мистер Смит. Когда мистер Хоггарт притормозил, из палатки вышел мальчик примерно одних лет с Тимом и уставился на приехавших. «Форд» остановился, мистер Смит вышел и помахал рукой мальчику.

– Алистар, – крикнул он, – отец дома?

Не дожидаясь ответа, он обернулся к мистеру Хоггарту:

– Вилл Кэмпбелл – мой приятель. Он ловит омаров. Летом ставит палатку прямо на берегу и живет здесь. Немного эксцентричен, но вообще-то парень, что надо. Он поможет мне вытащить «ягуар».

Мистер Хоггарт кивнул и неуверенно улыбнулся, как будто не знал, что ответить.

– Спасибо, что подбросили, – поблагодарил мистер Смит.

– Хорошо, что мы мимо проезжали, – мистер Хоггарт снова улыбнулся и потянулся к рычагу переключения скоростей, но мистер Смит не торопился убирать руку с капота.

– Ну, – начал он нерешительно, вздохнул и бросил взгляд на палатку. Мальчик исчез. – Думаю, мне пора.

Но он не двинулся с места. Вместо этого он просунул голову в машину и сказал Тиму:

– Знаешь что, старина: долг платежом красен. Я сказал, что немного разбираюсь в камнях – вроде геолога-любителя. Если хочешь, я возьму твой камень домой. У меня там всякие приборы есть: микроскоп и все такое. Я его почищу и рассмотрю хорошенько.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказал мистер Хоггарт. – Правда, Тим? Тим...

Мальчик сунул руку в карман. Пальцы его коснулись камня, повертели его – и застыли. Без всякой причины, без всякой видимой причины, ему вдруг не захотелось расставаться со своим сокровищем. Но это не было обычное упрямство, которое иногда мешало ему расставаться с другими своими находками, не просто желание подольше подержать у себя камень, чтобы трогать его, любоваться им... Тим был уверен: такое детское упрямство он бы преодолел с легкостью. Нет, это было нечто совершенно иное, что-то, что было связано с улыбкой мистера Смита и с тем, как он протягивал руку, уверенный, что его великодушное предложение будет принято, но также – внезапно Тим это ясно почувствовал – страстно желая, чтобы все вышло именно так. Почему? Не похож он на человека, который в обычных обстоятельствах стал бы так печься о едва знакомом мальчишке...

– Нет, спасибо, – громко произнес Тим.

Отец изумленно оглянулся на него. Сын посмотрел ему прямо в глаза.

– Я хочу сначала показать его Джени, – сказал мальчик.

Глава 4

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ С МИСТЕРОМ ХОГГАРТОМ

– Я не вижу, красивый он или нет, – вздохнула Джени. – Он слишком грязный.

Джени видела пальцами. Она трогала, гладила, ошупывала камень и так узнавала, какой он. Да так точно, что Тим был уверен, что сестра смогла бы потом найти его среди множества других камней, собранных им на Скуа.

– Попробуй отмыть его джином, – посоветовала девочка. – Мама чистит джином свое обручальное кольцо, а в нем тоже есть рубины.

Она положила камень назад в белую картонную коробку, где хранилась коллекция Тима.

– Расскажи мне еще раз о пещере Карлин.

Тим принялся рассказывать. Сестра внимательно слушала, наклонив голову набок.

– Вот бы и мне туда попасть!

– Ты не доберешься. Спуск со скалы слишком опасный. Даже для тех, кто видит.

Джени ничего не ответила. Было время, когда стоило кому-нибудь сказать, что она чего-то не сможет сделать, как у нее начиналась истерика: она кидалась на пол, кричала и махала руками и ногами. Но тогда она была еще маленькой. А теперь ей уже девять. По тому, как сестра замолчала, Тим догадался, что она огорчилась, что не сможет спуститься со скалы, но посторонний человек не обратил бы на это внимание.

– Я думаю, папа все равно не разрешил бы тебе пойти туда, ты ведь девочка, – сказал Тим.

– Девочки могут лазить по горам не хуже мальчишек, – возразила Джени. – И ищут они не хуже. Вон я сколько ракушек нашла на берегу, да еще овечий череп в придачу! Я буду собирать овечьи черепа.

– Зачем они тебе?

– Я буду туда все складывать, – Джени удивилась непонятливости брата. – Они отлично подходят для этого.

– Может быть, – неуверенно согласился Тим, брезгливо поглядывая на череп, красовавшийся на джениной подушке. – И все же я не вижу смысла в такой коллекции. Тут на Скуа этих черепов сотни. А коллекционировать надо что-то редкое – камни или папины орхидеи.

– От орхидей нет никакой пользы, а от черепов есть, – возразила Джени. Она помолчала. – Сегодня я тоже нашла что-то необычное. Мама говорит, это окаменелость. Вот я буду собирать окаменелости и складывать их в овечий череп.

Девочка достала из кармана плоский камешек. Тим повертел его в руках.

– Похож на сланец.

Джени хмыкнула:

– Да ты как следует посмотри. Вечно не посмотришь как следует, а говоришь. На нем же лист, окаменевший лист, видишь?

Она взяла его палец и провела им по жилкам листа. Только тогда мальчик заметил едва различимые контуры листа, окаменевшего миллионы лет назад.

– По-моему, зрячие не могут ничего толком рассмотреть, – заметила Джени.

Они пошли ужинать с родителями. Их столик оказался у окна, из которого была видна гавань. В столовой кроме них был только мистер Джонс. Он сидел один и, ожидая, когда ему принесут суп, жевал конфету.

– Кто-то играл со мной на берегу, – сказала Джени.

Миссис Хоггарт с удивлением посмотрела на дочку.

– Джени, там же никого кроме нас не было!

Девочка наклонила голову и водила ложкой по тарелке.

– Пока ты не уснула – да. Она пришла, когда ты спала.

– Кто? – спросил Тим.

– Я не знаю, как ее зовут. А она меня знала. Я искала ракушки, а она сказала: «Привет, Джени», и дала мне тот камень с листом. И показала, как его нащупать.

Тим заинтересовался.

– И о чем вы разговаривали? Она сказала тебе, как ее зовут?

Джени покачала головой.

– Я спросила, но она только рассмеялась. Так тихо рассмеялась, словно шепотом. А потом разрешила мне ощупать свое лицо и одежду. На ней была такая смешная длинная юбка. Я несколько раз спрашивала, как ее зовут, но она лишь твердила: Тсс! Думаю, она мамы боялась. Мы искали вместе ракушки, а когда мама проснулась, она ушла.

– Почему же ты не рассказала мне об этом? – спросила миссис Хоггарт.

– Потому что она хотела, чтобы это было тайной. Если бы она услышала, что я тебе проболталась, она бы, может, в другой раз и не захотела играть со мной.

– Но ведь ты сказала, она ушла!

Тим заметил, что она при этом многозначительно посмотрела на мужа.

Джени не могла видеть, как смотрела мама, но она слышала тон ее голоса и сердито сказала:

– Она просто спряталась, чтобы ты не могла ее видеть. Я знаю, что она все еще была неподалеку: она мне даже прокричала по-птичьи.

– Дорогая, но я ничего не слышала! – возразила миссис Хоггарт особым, нарочито шутливым голосом, которым иногда разговаривала с дочерью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.